Черное пламя Раграна. Книга 2

Автор:
Марина Эльденберт

Черное пламя Раграна. Книга 2

Марина Эльденберт

Марина Индиви

Черное пламя Раграна #2

Я считала монстром мужчину, у которого самое большое сердце на свете, но нас по-прежнему многое разделяет. Его статус правящего. Политическая арена. Женщина, которую видит его невестой Мировое сообщество драконов трех континентов. Но больше всего – неизученная мощь его собственной силы. Черное пламя, которое либо объединит нас, либо… сожжет дотла.

Марина Эльденберт, Марина Индиви

Черное пламя Раграна. Книга 2

ГЛАВА 1

Узор начинался от большого пальца, пламенно-черными нитями клубился по предплечью, забирался с моего локтя на плечо. Я смотрела на него, не моргая, не в силах справиться с охватившим меня шоком. От того, чтобы заорать на всю квартиру, останавливала только мысль о том, что в соседней комнате Лар, и я перепугаю его до набликов. Вот только я сама перепугалась до набликов! Это вообще что?! И почему оно на мне?!

Дотянувшись до смартфона, сделала фотку и отправила Вайдхэну с подписью:

«Так и должно быть?»

Это вообще что?! Да, я уже так думала, но у меня другие вопросы просто не складывались. Нет, так быть не должно, этого на мне быть не должно! Дыши, Аврора, дыши. Судя по тому, что оно просто чешется, ничего страшного в этом нет. Вон даже одежда от него не загорелась… Не загорится же? Я отпустила рукав, но он и не думал загораться. Подтянула, зажмурилась, глубоко вздохнула…

Подскочила на постели от звонка смартфона, ввинтившегося в мою тишину и ударившего по напряженным нервам.

– Доброе утро, Аврора, – голос Вайдхэна был сильным и бодрым, по ощущениям, он либо проснулся час назад, либо вообще не ложился.

– Доброе? – шепотом спросила я в трубку. – Ты в этом уверен?

– Оно началось с твоего сообщения, конечно, я в этом уверен. Нет, я не знаю, что это такое, но судя по тому, что с тобой все в порядке – не считая твоего волнения, ничего страшного в этом рисунке нет.

– А, то есть это нормально, что оно вылезло?

Может, это у иртханов в порядке вещей, а я тут просто панику навожу? С губ сорвался смешок.

– Я такого еще не встречал.

– То есть?!

– Оно отдаленно напоминает искусственно созданные печати – одну для иртханов, другую для людей, но расположение и то, что рисунок возник сам – наводит на мысли, что это нечто совершенно новое. Эволюционный процесс иртханов под воздействием черного пламени.

– А если в переводе на человеческий?

– В переводе на человеческий мой дракон скорее всего так тебя отметил.

Мой дракон!

Меня. Отметил.

– Вайдхэн, – произнесла я, чувствуя, что мой голос дрожит от гнева, – я не камешек в пустоши, чтобы меня помечать.

– Я не сказал: пометил, – а вот этот дракон, судя по всему, собирался смеяться. – Я сказал: отметил. Как бы там ни было, Аврора, сегодня тебе придется встретиться с моими врачами, я хочу увидеть твои анализы.

– Что значит: пометил? – отбросив мысли про врачей, снова спросила я. – То есть отметил?

– Это значит, что он хочет видеть тебя моей парой, но это не телефонный разговор. Просыпайтесь, приводи себя в порядок, и тебя заберут. Утро все-таки доброе, потому что мы скоро увидимся.

На этой оптимистичной ноте он просто отключился, оставив меня размышлять на тему, можно ли считать добрым утро, когда тебя отметил (не путать с пометил) дракон, который хочет видеть тебя парой – парой! – правящему нашей державы.

Про пары я знала ничтожно мало, но после раскрытия тайн, которые до определенного момента иртханы годами хранили в своих информационных закромах и не допускали до людей, мне было известно следующее. Дракон выбирает пару один раз и на всю жизнь. Гибель пары часто приводит к гибели (угасанию) дракона, когда его пламя затухает, и он умирает. У иртханов все посложнее. Например, у них там то ли сочетание, то ли совпадение огней может быть с несколькими иртханессами, и вот когда они уже окончательно определятся, с кем им нравится сочетаться больше всего, они тоже могут создать пару.

Но каким боком все это ко мне?! Я человек! Драконы не выбирают себе в пару людей!

Точнее, никогда раньше не выбирали.

До появления черного пламени, которое бежит в венах Бенгарна Вайдхэна. Может, у его дракона мутация и сбой навигационной системы? В смысле, он что-то там себе напутал?

Я покачала головой, сорвалась с постели и побежала в ванную. Где закатала рукав, взяла губку и начала тереть узорчик. То есть попыталась: стоило мне пару раз повозить по пламенеющему рисунку намыленной губкой, как он обиженно зашипел, капли воды в мгновение ока испарились, а губка…

Пх-х-х!

Полыхнула в моих руках, как факел в экранизации про жизнь Теарин Ильеррской[1]. Я едва успела швырнуть ее в раковину и открыть воду, чтобы затушить пламя, как весь узор на моей руке вспыхнул огнем.

Вспыхнул, предупреждающе прокатился от кончиков пальцев до плеча – и погас! Как будто и не было ничего, только обманчивые искорки-крохи мерцали в густой черной вязи.

На подгибающихся ногах в полуобморочном состоянии я вернулась в комнату и немного посидела на кровати, дожидаясь, пока уймется бешено колотящееся сердце. Сглотнула и снова посмотрела на узор на коже, словно издеваясь, одна искорка полыхнула ярче, как бы подмигнув. Намекая на то, что избавиться от него мне не грозит.

Вообще.

– Ладно, как знаешь, – сказала я. – Но скоро к нам приедут, меня заберут к медикам, и все с тобой станет ясно.

Хэштег #НуДаКонечно.

Дожили. С узорами разговариваю, мыслю хэштегами. С другой стороны, это еще не самое страшное, что со мной случилось за последнее время. Драконы вон всякие помечают. Отмечают. Замечают.

Второй заход в ванную удался. Когда я закончила чистить зубы и вышла из душа, ко мне в комнату постучался вальцгард.

– Риам Этроу?

– Что, за мной уже прилетели? – поинтересовалась я.

– Нет. Ваш сын проснулся.

Я кивнула и увидела, что сонный Лар трет кулачками глаза, а об него, колотя хвостом по покрывалу, трется Чешуйка. Это сколько же там шерсти будет потом…

– Привет, Драконенок, – я шагнула к сыну. – Как спалось?

– Спалось супер, мам! – Лар ткнулся носом в спину виари. – А мы пойдем гулять с Чешуйкой?

Вальцгард посмотрел на меня и покачал головой.

– Не сегодня, малыш. Пойдем лучше проводить водные процедуры.

– А Чешуйка?

– А Чешуйка пойдет гулять с… – я посмотрела на вальцгарда.

– Медлвар, – понимающе представился тот.

– С Медлваром.

– Но я хотел с ней вместе купаться!

– Не уверена, что она любит воду. – Я подхватила Лара подмышки и вытащила из постели. – Все! Пойдем. Вчера ты коварно заснул и не стал мыться…

Я отпустила сына, и он с визгом бросился в ванную. Чешуйка подумала-подумала и направилась следом за вальцгардом, видимо, воду она действительно не любила. Или, наоборот, вчера выпила слишком много воды и теперь понимала, что сначала улица, а потом купания, иначе может случиться неприятность.

Умывашки Лара заняли не так много времени, гораздо больше времени у нас всегда занимала ванна, но сегодня я шустро поставила сына под душ, потому что побоялась не успеть собраться к тому моменту, как за нами приедут. Как выяснилось, боялась я зря: мы не просто успели помыться, мы еще и растерлись огромным полотенцем, на котором был изображен Букси, дракон из любимого мультика сына. Оделись, причесались, покормили вернувшуюся Дрим, которая после прогулок радостно устремилась к мискам. Я уже даже начала думать про завтрак, хотя всегда считала, что анализы делают натощак. В любом случае, Лара покормить не помешает.

Разумеется, скоро должна приехать Ния, но мне нравилось готовить ему завтрак. Мне вообще нравилось проводить время с сыном. Не представляю, как люди умудряются говорить, что устают от детей. Да, я уставала. Временами. Но не от него, а скорее от того, что у меня было слишком много дел, чтобы позволить себе полностью сосредоточиться на этот самом чудесном чуде.

– Так, чудо. Что хочешь на завтрак?

– Пирожное!

Я приподняла брови.

– Ничего себе. А из полезного что?

– Нет ничего полезнее, чем пирожные!

Привести контраргументы я не успела, потому что у меня зазвонил смартфон. Мелодия Зои заставила меня рывком вытащить мобильный из кармана домашних брюк:

– Да… Привет!

– Привет?! Да?! Ты мне ничего не хочешь сказать?

– А должна? – поинтересовалась я.

– Ну это уж тебе виднее, должна или не должна. Ты вообще визор включи. И в сеть зайди! Мне сейчас Мелли из салона позвонила, а то так бы и ходила в неведении, забегавшись по магазинам. Хороша подруга! – Поток информации высыпался на меня вместе с завуалированным упреком, приправленной нотками укоризненных интонаций, но я решила, что сейчас важнее включить визор. И не ошиблась.

– … со вчерашнего дня у дома риам Этроу, неудачной попыткой похищения сына которой занималась служба безопасности Бенгарна Вайдхэна, – вещала молоденькая светловолосая журналистка, сжимавшая в руке микрофон с эмблемой «Мериуж Айв». Знакомые виды кричали о том, что находится она не просто у моего дома, а в двух шагах от моего дома. – В пресс-службе риамера Вайдхэна заявили, что риам Этроу попросила его о помощи, когда ее сын был похищен родителями отца ребенка, Нарриной и Торретом дель Рандаргим, решившими нарушить закон после неудачно завершившегося для их сына суда. По данным той же пресс-службы риам Этроу очень повезло, что она недавно прошла собеседование на должность личного секретаря риамера Вайдхэна.

Ветер хлестнул журналистку по лицу ее же собственными волосами, а я почувствовала себя так, словно хлестнули меня.

Должность…

Личного… секретаря? Риамера Вайдхэна…

А?

– К своим обязанностям риам Этроу приступает после праздников, а пока…

– Ну! – в голос журналистки вклинился голос Зои. – И это везде. По всем каналам, по всей сети… ничего объяснить не хочешь?! Как ты вообще мне могла такое не

сказать?! Как?! А после вчерашнего, после того, что случилось, даже не позвонила. Я же…

– Вот именно! – справившись с первым (или с каким там по счету?) за это утро шоком, я выключила визор и «вернулась» к подруге. – У меня сын пропал, Зои. Мне вчера как бы не до того было. Вот вообще. Не до того, чтобы тебе звонить и сообщать.

– Разумеется. Зачем мне вообще что-то сообщать. Особенно теперь, когда ты личный секретарь Вайдхэна. Мы с Дагом нужны исключительно когда тебя на работу не берут, или когда с Ларом посидеть надо! – рявкнула Зои и отключилась, а я растерянно посмотрела на значок завершенного вызова на экране смартфона.

Это что вообще такое было?

С Зои.

И с пресс-службой Вайдхэна. Они там что, что-то некачественное на корпоративе распили?

– Медлвар? – поинтересовалась я у вальцгарда, который стоял у двери. – Это что, какая-то ошибка? Вы это слышали?

– Нет, риам Этроу. Это не ошибка.

– Нет?

– Об этом вам лучше поговорить с риамером Вайдхэном.

И поговорю! Я с ним обо всем поговорю. Начну с распускающейся на моей руке пламенной вязи, а закончу служебными обязанностями и адекватностью его пресс-службы! Дабы убедиться в том, что не сошла с ума (разумеется, не сошла, вальцгард все подтвердил, но проверить все-таки надо), я открыла сеть и обнаружила там кучу новостных заголовков. В том числе и о том, что я выхожу на работу после праздников. Нет, я определенно не сошла с ума. Но сойду. Если так будет продолжаться.

– Медлвар, откройте, пожалуйста, дверь, – попросила я, услышав знакомый сигнал. – Это, скорее всего, Ния.

Это действительно оказалась Ния, и мы даже успели с ней приготовить завтрак, когда за мной приехали. Двойной комплект вальцгардов: одни – чтобы сменить тех, кто пробыл у нас со вчерашнего вечера, другие – чтобы меня сопровождать в клинику или куда там еще. Возглавлял их невысокий, чуть выше меня ростом, но подтянутый и широкоплечий иртхан. Светловолосый, с пристальным резким взглядом светло-серых глаз.

– Добрый день, риам Этроу, – представился он. – Меня зовут Лоргайн Лэннэ, я отвечаю за вашу безопасность.

– Рада знакомству, – ответила я. – Можно просто Аврора.

– Лучше риам Этроу, – судя по всему, мужчина не впечатлился моим предложением. – Вы готовы? Медики уже вот-вот будут.

– Где будут?

– Там, куда мы вас отвезем.

Просто квест какой-то, а не утро. Проснись непонятно с чем на руке, узнай, что ты непонятно как прошла собеседование, и слетай непонятно куда с ЛэЛэ.

– Хорошо, – не стала вступать в полемику. – Сейчас возьму сумку.

– Мам! Ма-ам, я хочу с тобой! – тут же закричал Лар, чудом не сбросив тарелку с фруктовым пюре на радость облизывающейся Дрим. То, что она ест фруктовое пюре, мы выяснили, когда Лар сунул вниз ложку, потому что виари смотрела на него большими и очень голодными глазами (перед этим смолотив всю положенную порцию корма из собственной миски).

– Драконенок, там, куда я еду, у меня будут брать анализы. Ты тоже хочешь?

– Анализы… бе-е-е-е! – Лар скривился. – Нет! Не хочу!

Так я и думала.

– Тогда лучше подожди дома с Нией и Дрим. Вам точно будет чем заняться.

– Ния, а давай ее искупаем?

Судя по выражению морды, Дрим еще не догадывалась, что ее хотят искупать, но верила в лучшее. Например, в то, что ей дадут еще еды (или что она сама со стола упадет). Покачав головой, я оставила сына на няню, а сама сходила в комнату за вещами. Переоделась, на ходу набросила пальто и опустилась в холле на выдвижную подставку, чтобы надеть сапожки.

Во флайсе я даже слегка задремала: видимо, вчерашнее напряжение и сегодняшнее продолжение не прошли бесследно, а проснулась от того, что мы заходили на парковку, сменив направление передвижения с горизонтального на вертикальное. Открыла глаза и увидела знакомую уже высотку, где жил Вайдхэн. Вот только заходили на посадку мы почему-то с другой стороны, на другой уровень.

– Лоргайн? – вопросительно посмотрела на вальцгарда. Запоздало подумала, что может быть, его тоже стоило называть риамер Лэннэ, но он это никак не прокомментировал. – Куда мы прилетели?

На парковке, куда мы опустились, помимо нашего было три очень модных флайса, две новейшие модели «Манц»[2], одна спортивная, другая покрупнее и порезче, и раритетная – «Лаунж», которая наверняка стоила столько, сколько квартира в этом доме. Рагранский флайсоконцерн «Лаунж» сейчас занимался исключительно реставрацией и современным техническим оснащением машин, которые выпускали много лет назад, а также знаменитыми на весь мир аукционами с распространением ретро флайсов по частным коллекциям. Благодаря Дагу я много знала о моделях и сейчас на пару секунд залипла на красивые машины: иссиня-черную, серебристо-стальную и пламенно-алую, как закатное солнце в мороз.

– Флайсы принадлежат одному владельцу, – пояснил вальцгард, отметив мой взгляд, – а это – парковка на две квартиры.

Если бы это хоть что-нибудь прояснило.

– И? – уточнила я.

– Одна квартира принадлежит владельцу машин, – терпеливо произнес ЛэЛэ. – А вторая – ваша, риам Этроу.

– Все. С меня хватит! – По выражению лица начальника службы моей безопасности я поняла, что сказала это вслух, поэтому поспешила исправиться: – Эта квартира не может быть моей. Это ошибка. Если риамер Вайдхэн…

– Риамер Вайдхэн оформил ее на вас, риам Этроу. Никакой ошибки нет.

– Как можно оформить квартиру на меня без меня?

Вот теперь лицо вальцгарда просто транслировало мысль: «Вы что, забыли, кто такой риамер Вайдхэн?» Действительно, что это я. Риамер Вайдхэн вон меня на должность секретаря умудрился без меня пособеседовать, а я какие-то глупости о квартире думаю. А его дракон вообще без меня решил, что я его пара. Но, судя по реакции Вайдхэна, еще и без него. Молодец, дракон! Принял взвешенное самостоятельное решение без посторонних, в том числе без того, кто им там рулит в иртханоформе.

Дверца флайса уже пошла ввысь, и я вышла вслед за ЛэЛэ. Следом за мной выгрузилось сопровождение, и мы слаженной шеренгой направились к дверям мимо красавцев-флайсов. Проходя мимо спортивного, я все-таки не удержалась, еще раз зыркнула на стильный литой капот спортивного «Манца». Если не ошибаюсь, именно эта модель способна развивать скорость, которая достойна профессиональных гоночных флайсов.

– Кто мой сосед? – не удержавшись, спросила у начальника службы безопасности.

– Элегард Роа.

– Тот самый Элегард Роа?

– Тот самый, риам Этроу. Но вы не беспокойтесь, он редко бывает в Рагране, и вам вряд ли помешает. Эта квартира – просто одна из множества. Он

предпочитает жить в Аронгаре.

Стоило подумать про гонки. Элегард Роа – гонщик с мировым именем, мировой чемпион, брал первые места восемь лет подряд в соревнованиях в Аронгаре, Ферверне, Лархарре, Фияне – словом, везде, где проводился «Полет Дракона». Так называлась самая известная гонка, трасса которой каждый раз менялась и зачастую достаточно экстремально прокладывалась в специально отведенных для нее местах. Пока я прокручивала все это в голове, мы уже пришли: дверь оказалась не заперта, потому что внутри были вальцгарды, медики, а еще спешно собирающаяся клининговая служба, которая убежала даже шустрее, чем собиралась.

– Риам Этроу, ваши ключи и пропуск на парковку, – мне указали на карты, лежавшие на столике. – Вам нужно будет еще подписать вступление в собственность…

– Потом, – отказалась я.

Ничего я не буду подписывать до того, как поговорю с Вайдхэном, и в принципе ничего подписывать не буду. Для меня это слишком дорогой подарок, и я не уверена, что словом «слишком» могу передать масштабы, насколько слишком.

– Где вам будет удобнее расположиться, риам Этроу? – Ко мне приблизился один из медиков. – У нас приказ провести полноценное обследование.

Хороший вопрос. Если учесть, что я здесь ничего не знаю.

Размерами квартира, конечно, слегка уступала пентхаусу Вайдхэна, но в том-то и дело, что слегка. Просторный холл в кремово-белых тонах возвышался на два этажа, вмонтированная прямо в потолок люстра была оформлена в виде созвездия Первого Дракона: изгибы светильников протянулись вправо и влево, повторяя морду, контур крыла и хвост. Я могла только представлять, как красиво это выглядит ночью.

По лестнице, уводящей на второй этаж, можно было подняться впятером в один рядок, справа и слева от нее, полуприкрытые стеклянными ограждениями с плавными линиями металлических поручней, располагались двери. Очевидно, спальни, и снизу я насчитала пять.

– Ваша спальня уже готова, – проследив мой взгляд, прокомментировал ЛэЛэ, – и вашего сына тоже. Еще четыре комнаты вы можете оформить на ваше усмотрение, сделать кабинет или домашний спортзал. Подробнее обо всем вам расскажет домработница, она приедет чуть позже.

– Хорошо, тогда ко мне в спальню, – распорядилась я.

Стоило немалых усилий не глазеть по сторонам, а ведь глазелось! Глазелось так, что с каждой минутой глазелки распахивались все шире, шире и шире. Например, весь первый этаж был сквозной, и, поднимаясь по лестнице, я увидела роскошный домашний кинотеатр, стоявший в зале, из которого открывался совершенно очешуительный вид на Гран Туа, многоярусный центральный городской парк.

Да, пожалуй с «уступает размерами» я немного погорячилась. Квартира была просто огромная. Или сложно огромная. Разве что бассейна здесь не будет… Повернув за ЛэЛэ направо, я споткнулась об эту мысль, потому что бассейн тоже был. Правда, насколько я поняла, как и парковка, на две квартиры, то есть мне придется его делить с Элегардом Роа. О чем я вообще думаю?!

Не буду я ничего ни с кем делить, я здесь первый и последний раз.

Сейчас разберусь с медиками и анализами, а потом поговорю с Вайдхэном. Очень предметно поговорю, на тему, что такие подарки не дарят секретарям. Сделать это нужно было как можно быстрее, и как можно быстрее довести до его сведения, что…

Оказавшись в спальне, я ахнула. Вид, который открывался из зала-гостиной, конечно, поражал, но вид, который открывался из моей комнаты… Кольца аэромагистралей, шпили, иглы, пирамиды высоток вырастали в панораме окон величиной в три моих роста. Но больше всего поражало не это, Мериуж – один из немногих городов мира с пересекающей его рекой, и сейчас я видела ее в разрезе между строениями. Далекую ленту, сейчас темно-серую, как готовые вот-вот рассыпаться снегом тучи, но все равно прекрасную.

Города и крепости на реках строили нечасто, потому что драконы тоже хотели пить, и это могло спровоцировать… в общем, всякое могло спровоцировать.

Пресная очищенная вода, трубопроводы под пустошами – это все как бы объясняло, почему цены на воду в нашем мире везде драконовские, а Мериуж просто не получилось построить иначе. Исключительно потому, что Рива Эльте полосовала нашу страну на две части, от начала и до конца, и именно в предместьях будущей столицы, когда здесь еще только закладывались камни первых замков, очень неудачно. То есть обогнуть ее не получалось никак, город оказывался зажат в тиски пустошей и ее вод, и получился бы не город, а маленькое поселение. Но амбиции живших здесь когда-то иртханов были непомерными, поэтому все получилось так, как получилось.

А еще мы в детстве гуляли по набережной с мамой и папой, и для тех, кому до мировых океанов – что до Бурлящего, отделившего нас от Ферверна, что до Уютного, на побережье которого устроился аронгарский город Зингсприд – так вот, для тех, кому до этих океанов очень и очень далеко, такие виды просто бесценны. Я почти об этом забыла. Почти забыла о своей мечте и о том, что когда-то хотела жить с видом на Рива Эльте.

Да и с Ларом мы очень редко выбирались в центр, не говоря уже о набережной. Пробки, долгие перелеты, толкучки в аэроэкспрессах (особенно когда ты с коляской) – так себе удовольствие.

– Проходите, риам Этроу, – напомнил о себе ЛэЛэ, и я прошла.

Думала, что с обследованиями получится быстро, но быстро не получилось: медики чуть ли не полевой штаб в моей спальне развернули, а еще развернули меня. Потом завернули обратно. На узор на моей руке они смотрели примерно так же, как и я, разве что в них было больше профессионализма, и в отличие от меня они не пытались оттереть его губкой.

Да они к нему вообще почти не прикасались, как если бы узор был бомбой замедленного действия, зато взяли у меня кучу тестов и анализов, сделали УЗИ всего чего только можно (непонятно зачем), установили переносную капсулу мгновенной диагностики, где меня просканировало с ног до головы туда, сюда и обратно. Именно в тот момент, когда я вылезала из этой самой капсулы в медицинской одноразовой рубашечке по колено, спасибо хоть плотной, но все равно, и решил заявиться Вайдхэн.

Медики мгновенно подобрались, а я замерла с перекинутой через бортик капсулы ногой, чем напомнила себе пытающегося забраться на карусельного драконенка Лара. Не знаю, кого я там напомнила Вайдхэну, но его глаза потемнели до густой черноты, и голос звучал в точности так же – сильно, когда он скомандовал:

– Оставьте нас.

[1] Теарин Ильеррская – знаменитая историческая личность, иртханесса. Архивы ее личных записей были экранизированы несколько лет популярным режиссером Джерманом Гроу, кино стало рекордсменом кассовых сборов.

[2] Фервернская марка элитных флайсов.

ГЛАВА 2

Почему-то не было ни малейших сомнений, что медиков сдует из комнаты в мгновение ока, и их сдуло. Проследив за тем, как последний «листочек» вылетает за дверь, я резко перекинула вторую ногу через бортик и зря. Потому что первая еще не стояла устойчиво на ступеньке. Пальцы схватили воздух.

«Сейчас будет травма», – мелькнула в голове мысль из прошлой жизни (так любил выражаться папа, когда маленькая я лезла туда куда не надо), но травмы не случилось. В эффектном полете меня поймали сильные руки, и я в одно мгновение оказалась прижата к груди Вайдхэна, удар его сердца во мне отозвался как-то особенно остро. Хотя может быть, отозвался не удар сердца, а ладонь, лежащая на моей талии. В предельной опасной зоне, где талия уже переходит в ягодицы.

Или его близость, от которой я заискрила. Натурально. Рука, на которой был узор, засверкала как подключенная к источнику питания гирлянда, и я глубоко вздохнула:

– О-о-ох.

– Красиво, – неожиданно низким голосом, с такими хриплыми нотками, произнес Вайдхэн.

Пальцами второй руки скользнул по моей коже, и я увидела, как искорки скачут от него ко мне и от меня к нему. Точно сговорились.

– Красиво?! – выдала я. – Это, по-твоему, красиво?!

– Очень, – с совершенно независимым видом произнес этот… иртхан, продолжая исследовать меня, то есть мою руку, и кажется, забрался он уже выше, чем узор. Да нет, не кажется, его пальцы задрали и без того короткий рукав одноразовой медицинской рубашки и выписывали рисунки на моем плече. Тоже мне, дизайнер!

Я уперлась ладонями ему в грудь.

– Хватит!

И даже с силой толкнула. Он явно не ожидал, потому что отпустил, и у меня получилось отступить на несколько шагов.

– Что-то не так, Аврора?

Что-то?! Если я скажу все, это будет слишком?

– Вот это, – я показала узор. – Вот это. – Обвела руками комнату. – И вот это… – Намекая на секретарские обязанности, ткнула в сторону смартфона, где перед тем как дисплей погас была открыта новостная сводка. – Давай по порядку. Секретарь?

Вайдхэн улыбнулся.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Ты опасалась за свое здоровье из-за взаимодействия с моим пламенем, и я нашел отличный способ избежать каких-либо осложнений. Теперь ты всегда будешь рядом со мной, даже в рабочее время. Увы, я не всегда настолько мобилен, как сегодня. Зачастую мне приходится решать дела государственной важности, и, если вдруг что-то пойдет не так, я всегда смогу это исправить.

Я хотела возразить, но достойных аргументов у меня не нашлось. Кроме одного:

– Поставить меня в известность вчера ты не посчитал нужным?

– Поставь я тебя в известность, ты бы придумала много всяких возражений, и мы бы с тобой обсуждали их до праздников, а может быть, даже дольше. В любом случае, ты понимаешь, что я прав, Аврор-ра.

Хватит рычать мое имя! Он его так произнес, что меня слегка закоротило, то есть узор: он нагрелся и снова начал покалывать кожу.

– Во-первых, придумала бы я возражения или нет, я предпочитаю, чтобы со мной обсуждали мои назначения. Во-вторых, я не смогу быть все время рядом с тобой: потому что у меня есть работа в ресторане, и потому что я не стану жить здесь…

Хотя очень хочу. Эта мысль сбила с нужного настроя, а потом еще и Вайдхэн добавил в своем классическом приказном стиле:

– В Грин Лодж ты больше не вернешься.

Это вот что вообще такое было сейчас?

Я скрестила руки на груди, хотя это больше походило на самообъятия.

– С какой радости? – поинтересовалась у этого любителя приказывать и вершить судьбы.

– Танцевать в ресторане тебе будет некогда. Особенно начиная со следующего года. Не говоря уже о том, что у тебя на руке мой узор. Как собираешься его

объяснять?

– Я должна кому-то что-то объяснять? – приподняла брови. – А впрочем… давай попробуем. Я не вернусь в Грин Лодж, но и ты больше не вернешься в Ровермарк.

Кажется, его проняло: Вайдхэн на миг лишился дара речи. Правда, потом улыбнулся:

– Отличная шутка, Аврора.

– Это не шутка, – я покачала головой. – Тебе придется объяснять в Ровермарк, почему у тебя новый секретарь живет в соседней квартире, купленной, между прочим, на твои деньги. Как планируешь отчитываться за бюджетные средства?

Вот теперь до него дошло по-настоящему. Ну, или я просто оптимистка, потому что он сдвинул брови и спросил очень низко и тихо:

– То есть ты считаешь, что я подарил тебе квартиру на средства из бюджета?

Нет, набловы лапки! Не дошло. Просто потому что в его мире все по-другому, и не дойдет, видимо.

– Нет, Бен, я пытаюсь тебе объяснить, почему я не могу принять от тебя квартиру, и почему ты можешь хотя бы попытаться уважать мое мнение и мою личную жизнь. Мою работу – я не просто так ее выбрала. Мои решения. Все, что я делаю, думаю и говорю. Я…

– Ты назвала меня Бен?

Я прокрутила в голове только что сказанное, пытаясь понять, как, каким вообще образом изо всех моих слов можно было выцепить только собственное имя? Но он, похоже, именно это и сделал, потому что его рука снова легла на мою талию – опомниться не успела. Пальцы второй скользнули по моему лицу, очерчивая контур подбородка, повторяя его, и поднялись на скулу. От короткого прикосновения уже у меня из головы вылетели все мысли, осталось только сумасшедшее желание податься вперед, чтобы стать к нему как можно ближе, а

еще наклонить голову, позволяя ласке разрастись до размеров его ладони.

Но это же… невозможно. Невозможно так чувствовать.

Подумала женщина, у которой на руке с утра выросла черная загогулина с красными искорками.

– Я не собираюсь диктовать тебе, что делать, Аврора, – произнес он раньше, чем я успела опомниться. – Эта квартира – действительно подарок, она ни к чему тебя не обязывает. Это первое. Уйти из Грин Лодж тебе придется… гм, желательно, потому что работа моего секретаря предусматривает очень напряженный график, постоянные командировки со мной и ненормированный рабочий день. Как минимум ты не будешь попадать на половину представлений, которые от тебя будет требовать начальство. Как максимум, я не позволю тебе работать в таком графике и выжимать себя до последней капли. Это второе. Третье… если ты еще раз скажешь, что я не уважаю твои чувства, твою личную жизнь или твое что-то там еще эфемерное, я опрокину тебя на эту самую кровать и буду не уважать, пока наше взаимное неуважение не достигнет пика. Несколько раз подряд.

Я все-таки покраснела. Почувствовала каждой клеточкой кожи, как начинает под его рукой полыхать щека.

– Зачем ты пришел? – спросила я, чтобы немного переключить свои мысли и не думать про взаимное неуважение. – Сейчас.

– Потому что вечером я буду встречать делегацию из Лархарры, а я очень хотел тебя видеть.

Между нашими губами почти не осталось расстояния, но я успела сунуть туда палец. В смысле, вот в это крохотное расстояние, которого почти не осталось.

– Бен, я так не могу, – сказала я. – Для меня…

– Для тебя все очень быстро, я помню, – он не стал отодвигаться и получилось, что поцеловал не мои губы, а палец. После чего я захотела резко его отдернуть, но тогда бы он поцеловал меня. – Все слишком непонятно – это я тоже знаю.

Отчасти даже для меня.

Каждое его слово обжигало мою руку дыханием, и эта до безумия странная ласка отзывалась во мне теплом, постепенно перерастающим в жар. Узор начинал раскаляться, из черного превращаясь в насыщенно-красный, но мне боли не причинял. Судя по всему, и ему тоже, потому что моя рука была зажата между мной и широкой грудью Вайдхэна.

– Поэтому ты переезжаешь не ко мне, Аврора, а в эту квартиру. Поэтому ты будешь моим секретарем. Поэтому у тебя будет время, чтобы все понять, а у меня – время, чтобы показать тебе свою жизнь и свой мир. Медленно. Постепенно. Никуда не торопясь…

Мы сейчас все еще про мир или уже про неуважение?

Голос Вайдхэна – низкий, хриплый, гипнотический, отзывался во мне с той же проникновенной силой, с какой отзывались его прикосновения. На мгновение показалось, что он даже звучит во мне, в самой глубине моего существа, отражаясь от моих мыслей, как их продолжение.

Это было странно, непонятно… захватывающе. Настолько захватывающе и необычно, настолько остро и ярко – чувствовать протянувшуюся между нами связь, близость с мужчиной, которого я видела несколько раз, но это абсолютное, безграничное, такое естественное доверие, а может быть, что-то еще, сейчас заставили меня убрать последнюю преграду между нашими губами.

Чтобы меня поцеловать, ему пришлось наклониться еще ниже, а я встала на носочки и, едва ощутив это донельзя правильное, глубокое, невыносимо-желанное прикосновение, почувствовала, как в меня ударило силой. Силой, сравнимой разве что с порывом ураганного ветра, да и то вряд ли.

От ураганного ветра в груди не взрывается пламенный шар, охватывающий все твое тело и концентрирующийся наивысшей температурой горения на слиянии наших губ.

Его пальцы снова зарываются в мои волосы, и каким-то чудом под этим прикосновением резинка, которой они стянуты, рвется. Что-то рвется в эту минуту и внутри меня: должно быть, сковывающее тело напряжение, потому что

в этой близости я растворяюсь и чувствую себя застывшей в воздухе. В невесомости.

Балеринам часто приходится прыгать, и в школе один из преподавателей говорил, что если удастся поймать краткий миг этого полета, это неуловимое чувство, ты уже никогда его не утратишь.

Так ли это?

Не знаю. Я чувствую только его, только его губы, раскрывающие мои откровенно и властно. Только его пальцы, путающиеся в моих волосах. Сильную ладонь на своей талии и бесконечный охвативший нас жар, который больше не воспринимается чужеродным. Наоборот, это нечто настолько естественное, настолько глубокое, это такая связь, что я не представляю, как было раньше. Без нее. Без него…

Это отрезвляет.

Я подаюсь назад, размыкая поцелуй, ловлю губами внезапно ставший невыносимо холодным воздух.

Смотрю в его глаза, и это уже само по себе опасно, потому что бьющееся в них пламя отражает меня. Такую же шальную, с затопившими радужку зрачками.

– Расскажи… – Собственный голос низкий и хриплый, как во время сильной простуды. Приходится взять паузу и сделать вдох. Выдох. Снова вдох: – Расскажи, какие еще узоры возможны? Я хочу понять, что у меня тут нарисовалось.

Он опускается на кровать, увлекая меня за собой. Настолько естественно, как если бы мы уже сотни раз так сидели, но оказаться у него на коленях – это что-то совершенно новое. Для меня. Для него, кажется, нет, потому что Вайдхэн подтягивает меня к себе поближе, устраивая поудобнее. Не сказала бы, что это очень удобно – во всех смыслах, потому что под брюками я чувствую его твердость, а горизонтальная поверхность для неуважения непростительно близко. Но что самое опасное – я глубоко внутри готова к этому самому неуважению.

– Они не имеют никакого отношения к твоему узору, Аврора.

– Совсем?

– Совсем. Первая изобретена иртханами для наказания других иртханов, называется таэрран, наносится на шею и обладает уникальным свойством сжигать все, чем пытаешься ее скрыть. Вторая – харргалахт. Изобретение фервернцев. Они придумали ее, когда придумали реформу, гласящую, что соправителями иртханов могут быть люди.

Его интонации говорят о том, что сам он эту реформу не поддерживает и вообще в одном месте видел Ферверн с его реформами. Правда, ничего такого он не говорит, но я это чувствую. И, кажется, начинаю понимать, что Вайдхэн имел в виду, когда говорил, что чувствует меня.

– И не только соправителями: наносится она иртханом на избранную им женщину, чтобы он мог не сдерживать свое пламя во время…

– Неуважения, – хмыкаю я.

Залегшая между его бровей вертикальная складка разглаживается, он улыбается уголком губ.

– Именно так.

– Я тоже человек, Бен, – напоминаю я. Вспоминаю его реакцию на собственное имя: интересно, почему так? Его никто раньше не называл сокращенным именем? Или называл кто-то особенный? Семья? Отец? Мать? Я так мало о нем знаю, а мне кажется, что мы знакомы целую вечность. Эта двойственность просто выносит мозг, но я понимаю, что он прав. У меня есть время. У него тоже. Нам во многом предстоит разобраться, прежде чем…

Прежде чем – что?

– Ты – другое дело, Аврора.

– Почему другое? Потому что меня выбрал дракон?

– Потому что иртхана может тянуть к обычной женщине или иртханессу – к обычному мужчине, но это никогда не заменит совпадения огней. С тобой все… иначе. Я чувствую тебя, как иртханессу.

– Тебе не кажется, что ты сам себе противоречишь?

Легкая снисходительность в его голосе (или в чувствах?), когда он говорит о людях, слегка раздражает. Или не слегка. Потому что несмотря на все это загадочное драконье притяжение, я по-прежнему человек. Та самая обычная женщина, к которой может тянуть, но это никогда не заменит совпадения огней.

– В чем именно?

– В том, что люди и иртханы не могут быть вместе.

– Я такого не говорил. Я всего лишь говорил, что бессмысленно играть с природой и ляпать на женщину харргалахт, чтобы симулировать выброс пламени с иртханессой. Если же говорить о соправительстве, иртханы с древних времен у власти не просто так. Ни один человек, даже самый серьезный политик, не встанет с иртханом на передовую во время налета. Его банально никто туда не допустит.

– Тем не менее похожие формы правления есть давно, – возражаю я. – Например, в Аронгаре. Там в каждом городе помимо правящего есть мэр, который…

– Занимается бюрократией. Пусть занимается. Это совершенно другое.

Драконосноб!

Я поднимаюсь с его колен очень резко, так резко, что его руки размыкаются, и вместо меня ему остается держаться за воздух.

– Мы закончили обследование? Я могу ехать?

Вайдхэн поднимается, внимательно смотрит мне в глаза.

– Нет. Мы не закончили разговор, Аврора. Ты что, обиделась?

– А ты как думаешь? – интересуюсь я.

– Я думаю, что ты снова хочешь сбежать. Ты всегда так делаешь, когда тебе неуютно или что-то не нравится.

– Ну прости! Я как-то не подумала, что мне должно быть приятно выслушивать, что простые люди во всем не дотягивают до великих иртханов. Мне казалось, что это пережитки прошлого, и, хотя нам и так неоднократно указывали на наше происхождение, во всех цивилизованных странах…

Черное пламя в глазах становится холодным. Просто-таки ледяным, мне даже кажется, что в его взгляд насыпали соли или льда, и сейчас радужку затянет инеем.

– Под цивилизованными странами ты подразумеваешь Аронгару или Ферверн? Которые занимаются исключительно тем, что меряются статусом, силой и хвостами с тех пор, как так называются?

– А ты разве не должен политкорректно выражаться? – огрызаюсь я и оглядываюсь в поисках собственной одежды. Она аккуратно сложена и частично развешена в огромном встроенном пустом шкафу, туда я и направляюсь. В конце концов, чего я ждала? Что он будет считать меня равной себе?

Меня, Зои, Дага… а мне с Зои еще мириться.

Из-за него, между прочим!

Хватаю джинсы, и в этот момент Вайдхэн хватает меня.

– С тобой будет приятно подискутировать… холодными темными вечерами.

Еще и издевается. И совершенно точно не воспринимает всерьез! Когда я уже готовлюсь в очередной раз вырываться, раздается стук в дверь.

– Риамер Вайдхэн, мы провели первую серию анализов. Хотели бы взять кровь у риам Этроу еще раз.

Они так и говорят, из-за двери, но Вайдхэн наконец-то меня отпускает, подходит и распахивает ее.

– Почему? В чем дело?

– Потому что в крови риам Этроу обнаружен маркер черного пламени.

Поскольку в маркерах черного пламени я понимала ровно столько же, сколько в таэрран и харргалахт, я предпочла помолчать и послушать. Можно было бы, конечно, упасть в обморок, но как-то не падалось. Мне кажется, даже если у меня сейчас крылья и хвост вырастут, я останусь спокойна. Относительно. Ну так все в мире относительно, даже терпение и выдержка Вайдхэна. Вон как глазами сверкает!

– Что значит – маркер черного пламени?

Главный по маркерам черного пламени подвис. Нет, ну а что тут скажешь? Я бы тоже подвисла.

– Вы хотите, чтобы я объяснил, как формируется…

– Нет, – перебил его Вайдхэн. Бен. Бенхэн. – Я хочу понять, как он там оказался.

– В том-то все и дело, что ситуация крайне странная…

Да уж, страннее некуда. По-моему, у меня сдали нервы, потому что захотелось хихикнуть. Вместо этого я оставила джинсы в покое, подошла поближе и села на кровать. В обморок падать будет как-то мягче, если вдруг.

– Понимаете, такой маркер мы никогда не видели…

Еще бы вы его видели. Я же уникальная. Меня сам черный дракон выбрал!

Бр-р-р. Понимая, что у меня реально странное состояние, попыталась считать до десяти и обратно и глубоко дышать.

– То есть? – переспросил Вайдхэн. – Вы можете перестать говорить загадками? Я учился в медицинском, я вас пойму.

Дальше посыпался какой-то поток терминов, и это звучало примерно так, как если бы при мне говорили на фиянском или на фервернском. Хотя вру. Фервернский понятнее. Изо всего, что они говорили, я поняла только то, что мой маркер неправильный, потому что он формируется в крови человека и постоянно изменяется. Тогда как этого не может быть в принципе, потому что… и вот дальше начинался профессиональный медицинский.

Вайдхэн с каждым словом мрачнел все больше, как будто в него влетела снеговая тучка. Суровая такая снеговая тучка, а когда еще оглянулся и посмотрел на меня, даже показалось, что в лицо полетели снежинки.

– Повторите анализы, – сказал он, наконец.

Теперь у меня брали кровь под его пристальным взглядом. Более чем пристальным и каким-то далеким. Он словно находился в двух местах одновременно, в этой комнате и в своих воспоминаниях или мыслях, или куда там еще способна иртхана забросить фантазия.

Пообещав, что все будет готово в ближайшее время, медики испарились, а Вайдхэн отошел к окну. Сунул руки в карманы брюк и теперь наслаждался панорамными видами. Хотя если посмотреть на его лицо, скорее, не наслаждался, а собирался вылететь сквозь стекло и дохнуть пламенем. Спасибо хоть спиной не повернулся.

– Я умру? – как ни странно, мой голос не дрогнул.

– Что? – он взглянул на меня, морщины на его лбу разгладились. – Ты вообще о чем, Аврора?

О том, что мне страшно.

Вайдхэн приблизился ко мне и опустился рядом со мной на кровать.

– Прости. Я не подумал, что для тебя это…

– Что мне стоило бы все объяснить? – Я приподняла брови. – Это же моя кровь! И в ней завелся какой-то черный маркер…

– Маркер черного пламени.

– Одна набл разница! Я не понимаю, что происходит.

Морщины окончательно разгладились, тучка улетела.

– Я этого тоже не понимаю. Но мы все обязательно выясним, – прежде чем я успела ответить, он положил руки мне на скулы. – Время, Аврора. Дай себе и мне время. Все решаемо.

– Но как такое может быть? Откуда во мне пламя… или его маркер?

И снова тень на его лице, как будто эти события для него слишком… Мрачные? Тяжелые? Неприятные? Но как понять, в чем дело, если он ни о чем мне не говорит?

– О чем они вообще говорили? Я половину не поняла.

– Не считая того, что в твоей крови появился маркер черного пламени… Подожди! – Лицо Вайдхэна снова резко просветлело. Вот а можно мне транслировать то, что в его голове происходит? Если бы можно было, я бы с удовольствием, от трансляции чувств сейчас толку мало.

Но увы, мало того, что трансляции не ожидалось, так еще и он резко поднялся и вышел. Так быстро, что только порыв ветра пронесся по комнате.

Что это было сейчас?

И не бежать же за ним.

В просторной спальне мало того что было много света и мало мебели, так еще и было довольно свежо. Поэтому я подтянула колени к груди, справившись с порывом забраться под одеяло. Смотрела на Рива Эльте и думала о том, как моя жизнь кубарем полетела с горки во время того визита в Ровермарк. Потом подпрыгнула на кочке, взлетела, и где-то в этом полете мы пересеклись с Бенгарном Вайдхэном, с которым в других обстоятельствах просто никогда бы не встретились. Если бы Зои не подсунула мне это объявление о том, что в отдел кадров Ровермарк требуется секретарь.

Поэтому и отнюдь не только поэтому стоило бы все ей рассказать. Все от начала и до конца. Я вздохнула, сходила за сумочкой, взяла смартфон.

Собиралась уже набрать номер подруги, потом передумала, вспомнив, что она может быть на работе. Сейчас, перед праздниками, в ее салоне не выдохнуть, иногда они даже открываются раньше на полчаса. Покрутила смартфон в руках, отложила. Все равно о таком не говорят по телефону, лучше договориться и заехать к ней в салон во время обеда.

Я собиралась отправить Зои сообщение, но в этот момент в комнату вернулся Вайдхэн. С закатанным рукавом и медицинской впитывающей пластинкой с дезинфицирующим раствором на сгибе локтя. Выглядел он не просто спокойным, а очень спокойным. Расслабленным. И, кажется, подобревшим, потому что в его глазах мерцала улыбка. Та же самая улыбка, которая сейчас была у него на губах.

– Кажется, одно уравнение мы решили, Аврора.

– Правда? – уточнила я. – Какое?

– Откуда у тебя черное пламя. Маркер в твоей крови полностью идентичен моему.

ГЛАВА 3

Черное пламя передается столовым путем. Ничего другое мне в голову не приходило, потому что иначе как? Откуда в моей крови маркер его черного пламени? Стоило мне подумать про это и про столовой путь, как я опять начала безудержно краснеть. Щеки заполыхали как флаги, а он еще и был так близко в этот момент. Совсем рядом, и его губы тоже. Я вспомнила, где его губы были вчера, и…

Ой, все!

– Откуда? – спросила я, рассматривая собственные руки. Надо было на маникюр записаться, но я протянула время, до последнего, а потом моя мастер (кстати, из салона Зои) заняла уже все места перед праздниками. Поэтому быть мне в праздничную ночь со старым маникюром.

Что только в голову не полезет, чтобы не думать про столовой путь.

– В этом нам предстоит разобраться. – Пальцы Вайдхэна снова легли на мой подбородок, и я невольно подняла голову. – Ты же не думала, что я просто приму это как факт?

Да я еще ничего подумать не успела.

– Это нормально? Для иртханов. В смысле… разве шаманы не вливали себе кровь драконов, чтобы получить этот маркер? Или это что-то другое?

– Маркер – это еще не пламя, – Вайдхэн посмотрел мне в глаза. – Аврора, ты расстроилась?

Нет, я обрадовалась! Как бы невзначай поменяла вид, и радуюсь тут сижу. А как это скажется на Ларе? Я что, обиртханиваюсь? Какой кошмар!

– Я в шоке, – честно призналась я.

– Да, ситуация и впрямь нестандартная, – несмотря на всю нестандартность ситуации, раздосадованным он не выглядел. Я бы сказала, Вайдхэн выглядел чересчур довольным для того, кто разбрасывается своими маркерами в малознакомых женщин. – Учитывая, что шаманы Пустынных земель, да и не

только шаманы, действительно вливали себе кровь драконов, чтобы получить такую силу, а мы с тобой…

– Это из-за того, что произошло вчера? – не выдержала я.

Он приподнял брови:

– Из-за того, что я доставил тебе удовольствие?

Ну вот, он это сказал. Как мне при этом не краснеть?

– Да.

– Нет. Не думаю. В любом случае, нам с тобой предстоит это изучить, потому что мы первые так выпендрились.

Первые. Мы.

Мы!

– Ты так спокойно об этом говоришь…

– Потому что не вижу причин волноваться, – он пожал плечами. – Если это произошло, значит, с точки зрения биологии и физиологии это естественно. Будем наблюдать.

Хорошо ему говорить!

– То есть если бы у тебя в крови завелся маркер обычного человека, ты бы тоже сказал, что не о чем волноваться?

Он нахмурился.

– Вот. А мне ты предлагаешь не волноваться.

– Ну, если хочешь, волнуйся, – Вайдхэн неожиданно притянул меня к себе и поцеловал в макушку. – Безумно не хочется с тобой расставаться, Аврора, но через час мне надо быть в Ровермарк.

Я от такой непосредственности просто очешуела. Он же… он же ведет себя так, будто мы уже встречаемся. Лет десять.

– Ты тоже волновался, – напомнила я, совсем не уверенная, что мне хочется расставаться с ним. Разум мне говорил одно, а все мое существо принимало эту естественность между нами, как само собой разумеющееся. – Когда они только заговорили про маркер. Помнишь?

– Это было неожиданно, – он на миг нахмурился, но тут же отпустил складку между бровей вместе с коротким настроением. – Это вообще другое. Забудь, Аврора. Что касается твоего маркера, который похож на мой, я предполагаю, что мой дракон таким образом отметил твою особенность. Для него.

«А для тебя?» – хотела спросить я, но поняла, что это будет слишком. Между нами и так слишком много всего.

– Сегодня я буду выступать в Грин Лодж, – решила окончательно сменить тему драконов, отмеченных и медицинских аспектов происходящего. – Я не могу подводить тех, кто на меня рассчитывает. Об остальных выступлениях обещаю подумать, но не больше. Я не уверена, что…

– К тебе будет повышенное внимание. Каждую минуту, – его крылья носа дрогнули.

– Да. И что? Мне теперь всю жизнь сидеть в подаренной тобой квартире и не высовываться? – я резко поднялась. – Понимаю, что для тебя все просто: раз – и дракон меня отметил, два – я твоя секретарь, три – живу рядом с тобой. Но это моя жизнь, и я не могу просто взять и выкинуть из нее людей, которые на меня рассчитывают. Не могу выкинуть из нее друзей, потому что ко мне повышенное внимание. Я теперь везде буду ходить с сопровождением? Даже в праздничную ночь в гостях у друзей?

После этих слов Вайдхэн поднялся так же резко, как я.

– Да, Аврора. С сопровождением. – Это было единственное, что он сказал, после чего вышел, оставив меня наедине с капсулой, в которой меня сканировали.

Я провела ладонями по лицу, как если бы это могло помочь, после чего пошла собираться. В холле меня встретил ЛэЛэ и его подчиненные, Вайдхэна нигде не было видно – наверное, ушел к себе или улетел в Ровермарк. Уже во флайсе я отправила Зои сообщение с предложением встретиться в обед и, к счастью, подруга написала, что освободится во второй половине дня минут на сорок. Даже предложила кофейню, где мы сможем посидеть, рядом с ее работой, и я согласилась.

Мне жизненно необходимо было с кем-нибудь откровенно поговорить.

В кафе я пришла первой. Успела заказать кофе и даже наполовину выпить его, когда увидела Зои: она влетела в крутящиеся двери, заозиралась, а, заметив меня, помахала рукой.

– Фух! – плюхнувшись на стул и быстро вызывая меню на экран, выдохнула она. – Ну, что нового?

И в этом вся Зои. Она может тебя обругать так, что обтекать будешь два дня, совершенно не зная о том, что через полчаса та уже отошла. Правда, я про эту особенность знала, поэтому и дала ей немного остыть. Как выяснилось, Зои уже совсем остыла, потому что, сделав заказ, подалась ко мне и произнесла:

– Ава, прости. Я сейчас вся на нервах… сама понимаешь.

– Про нервы можешь мне не рассказывать, – фыркнула я.

– Надеюсь, этих придурков посадят, – изменившись в лице, подруга сложила руки на груди.

– Бен… гарн Вайдхэн сказал, что больше такой ошибки не повторит, – ответила я. По лицу подруги поняла, что она не знает еще и о том, что он помогал мне с Каридом. В смысле, отправил меня к Доминику, или Доминика ко мне, а Доминик… ну, он действительно классный юрист. Подозреваю, что работает где-

нибудь в Ровермарк.

– Даже не знаю, с чего начать, – вздохнула я.

– Начни с самого начала.

И я начала. Хотя, признаться, очень странно было говорить с подругой и видеть торчащих за стеклянной перегородкой вальцгардов. Вот же… Я, к слову, совершенно о них забыла, когда соглашалась на встречу в кафе, но тем не менее по-другому все равно было никак. Зои сейчас работает допоздна, вечером на работу уйду я, и так до праздников.

Я рассказала все, умолчав о том, что у меня была встреча с Беном после того пламенного танца в Грин Лодж. Даже вспоминать, как я ходила по дому Вайдхэна безо всего, мне было стыдно. Или слишком волнующе? Взять хотя бы то, что было вчера, а ведь вчера все было гораздо более откровенно – но нет, почему-то именно тот вечер активно заставлял мое дыхание учащаться, а сердце ускорять ритм.

– Так получается, та ваша встреча в ресторане была не случайной? – уточнила Зои.

– Случайной. Для меня.

Для него, видимо, нет.

– То есть давай-ка проясним, подруга? Когда ты пришла к нему, он сказал, что не хочет видеть тебя в секретарях отдела кадров, отшил, а потом помог с Ларом, с твоим, прости драконы, бывшим, с его очумелыми родственничками, и принял на работу к себе?

– Да.

– Логика восьмидесятый уровень.

– Не все так просто, Зои, – я не стала рассказывать про узор, понимая, что эта информация – не для всех. Из-за этого чувствовала себя ужасно, потому что сама

высказывала Вайдхэну, что у меня есть друзья, а теперь вот у меня от них тайны. Но говорить о том, чего сама не понимаешь, и что пока что, мягко говоря, не изучено… Ну, тут не нужно обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять, что это дело с грифом «совершенно секретно».

– А по-моему, все просто, – хмыкнула подруга.

За время, что мы общались, она успела поесть и теперь налегала на десерт, который прилагался к бизнес-ланчу.

– По-моему, тебя просто хотят… – Зои издала губами «чпок» и даже показала пальцами для достоверности.

– Это было грубо.

– Зато правда, прости уж за прямоту. Или ты подумала, что он все это от широкой души делает?

Я ведь раньше и сама так считала. То есть до того, как узнала, что он помогал мне с Каридом, до того, как он спас Лара. Но сейчас слова Зои вызвали если не тихое бешенство, то уж раздражение – точно.

– Я же сказала, что он помог мне найти Лара…

– Да. Ну и что? Думаешь, для него это сложно? С его связями, как мне пукнуть, простите. Он даже не напрягался особо…

– Зои, хватит, – резко перебила я.

Настолько резко, что она поперхнулась кофе и резко отставила от себя чашку.

– Вот как ты заговорила? Ну пожалуйста, на здоровье. Тешь себя иллюзиями. Только когда он женится на какой-нибудь иртханессе, а ты опять будешь рыдать в подушку…

– Иди в жопу, – сказала я.

– Что?

– В жопу. Иди. В драконью. Могу путеводитель нарисовать. – Я поднялась так резко, что остатки моего остывшего кофе выплеснулись на стол. Со мной творилось что-то странное, начиная от того, что такую вот дикую неприязнь к подруге, с которой столько лет дружили, гуляли с детьми, ходили в кино и в кафе, объяснить просто невозможно. И тем не менее я ее чувствовала. Чувствовала, что мне хочется вылить кофе Зои на голову, и, возможно, поэтому поспешила убраться из кафе.

Даже пальто не стала надевать, вылетела на улицу. Вслед за мной вылетели вальцгарды, а морозный ветер начал покусывать щеки. Только во флайсе я относительно пришла в себя. Пришла в себя и поняла, что все произошло очень странно и очень быстро. Только что мы сидели и мирно разговаривали, и вдруг… получите, распишитесь! Это вообще как? Что это было?

Женские дни у меня в ближайшее время не ожидались, но я бы и не стала списывать это на женские дни. Это «что-то» возникло внутри меня, когда Зои начала оскорблять Бена, и вырвалось оно таким образом. Что, если это тоже связано с… Я осторожно подтянула рукав, но узор «дремал» и не подавал признаков жизни. Мне кажется, даже красных искорок стало меньше. Я попыталась вернуться к эмоциям, спровоцировавшим нашу с Зои новую ссору, но натолкнулась на стену.

Все было ровно. Как если бы ничего не было.

Расстроенная дальше некуда, я поднялась к себе. Дело было не только в ссоре с Зои. Дело было еще и в том, что я вроде как давно не подросток, а веду себя как подросток. «Иди в жопу» – потрясающий ответ! Просто волшебный. Гениальный. А главное, очень педагогично.

Хорошо хоть Лара рядом не было, иначе бы пришлось объяснять, почему мама послала тетю Зои в… да, не будем повторяться, именно туда. И почему нельзя делать то же самое с детьми на площадке.

В итоге у меня весь день все валилось из рук. Я разбила тарелку, уронила себе на ногу ноутбук (нога, к счастью, не пострадала, а вот ноутбук перестал включаться). К счастью, рядом оказалась Ния, у которой муж как раз занимался

ремонтом техники, и она сказала, что сегодня вечером они его посмотрят.

Собираясь на выступление в Грин Лодж, я включила визор для фонового бормотания. И надо же мне было включить его в тот момент, когда показывали новости. А в новостях – лархаррскую делегацию. Там у них все было не как у людей, в смысле, даже не как у иртханов, вот и сейчас приехали не только президент[1] и вице-президент. Приехала еще…

– Алера Орленд Грейторн-Лардарр инд Хамир, – как журналистка выдала это имя без запинки, оставалось только догадываться.

Дочь президента Лархарры.

Алера оказалась очень яркой. Волосы цвета горького шоколада, миндалевидные глаза, этот разрез присущ многим лархаррцам, тоже темные, густые ресницы. Последнее я выяснила, когда ее показали крупным планом, а потом камера вновь отъехала в сторону. Губы у нее были пухлые, причем, судя по ее отцу, от природы, а фигура – ну очень женственная. Я, например, на верхние формы тоже не жаловалась, в остальном же была слегка угловатой. Для балерины это хорошо, но… Например, у меня никогда не было таких бедер. И жопы.

Да что ж меня сегодня на жопы-то тянет!

Навстречу прибывшей делегации из Ровермарк вышел Вайдхэн и, поприветствовав главу государства и его зама, обратился к иртханессе. Что они там говорили, было не слышно, но, когда он взял ее руку в свою и коснулся губами кончиков пальцев, я просто закипела.

Как чайник!

Серьезно. Мне даже показалось, что у меня температура повысилась, на мгновение, а после того, как делегация вместе с Вайдхэном скрылась в Ровермарк, слово «жопа» было самым цензурным, которое пришло мне в голову.

Щелкнув пультом, яростно швырнула его на диван, но перед глазами все равно стояла иртханесса, в небрежно наброшенной на плечи короткой меховой шубке, из-под которой был виден ярко-синий стильный деловой костюм. Она и

двигалась как дочь правителя, и вообще вся ее манера держаться выдавала, что рядом с отцом и Вайдхэном она чувствует себя вполне комфортно. Не то что я…

Жопа!

Крутанувшись на пятках, ушла к себе, быстро покидала в сумку все необходимое и заглянула в комнату к Лару.

– Драконенок, я на работу. Буду чуть позже чем обычно, поэтому ложись спать, и не капризничай. Ния тебя уложит.

– Не хочу! – надулся Лар, который играл с виари большой тряпичной косточкой.

Я наклонила голову:

– А с Дрим дружить хочешь?

– Хочу!

– Тогда показывай ей пример, как послушный мальчик. Иначе она увидит, что ты невоспитанный, и сама станет такой же. А невоспитанную виари дома мы оставить не сможем.

– А если я буду невоспитанным, ты меня тоже из дома выгонишь? – неожиданно заявил сын.

От такого я даже опешила.

Они все сговорились, что ли?!

– Аврора, иди, – мягко сказала Ния. – Мы тут разберемся.

– Да, иди, – поддакнул Лар. – Очень ты нам тут нужна.

– Ларрет! – Вот теперь в голос Нии ворвались стальные нотки, а я… я вылетела из квартиры, мимо вальцгардов, которые от такой прыти быстро

перегруппировались: оставлять виари с Ларом и няней без присмотра было нельзя.

Так отвратительно я себя еще никогда не чувствовала! Во-первых, потому что это была моя первая ссора с Ларом. До сегодняшнего дня мы вообще не ругались, да, я умела быть строгой, но я никогда на него не давила. И уж тем более никогда не слышала от него такого. Во-вторых, несмотря на то, что Лар совсем маленький, мне вдруг тоже стало невыносимо обидно. Что я ему вообще сделала?! Он что, правда подумал, что я могу выгнать виари на улицу?

Закусив губу, посмотрела на уменьшающийся за стеклами идущего вверх флайса город.

– Могу я задать вопрос, риам Этроу? – поинтересовался ЛэЛэ, который мгновение назад касался коммуникатора.

– Да?

– Как вы себя чувствуете? Мне показалось, что вы на взводе.

– А вы начальник службы безопасности или психолог? – рыкнула я и тут же добавила: – Простите. Сын грубит. Поссорилась с подругой. Сегодня весь день через… полетел над пустошью. Поэтому да, я немного на взводе.

Или не немного.

– Вы уверены, что вам стоит выходить на сцену?

– Не выйти я не могу. Я подведу людей.

– Хуже будет, если вы выйдете, и произойдет нечто опасное. Для вас и для людей.

– С чего бы? – я приподняла брови.

ЛэЛэ тактично перевел взгляд на мою руку, скрытую под пальто. Точнее, руку-то было видно, запястье с пальцами, а вот узор, на который он намекал, был

надежно спрятан. Но твоего же дракона за хвост да над пустошью! Мои костюмы все с открытыми руками.

Балерина с татухой.

Да, такого мир еще не видел.

– Вы же будете поблизости, – сказала я. – Что опасного может произойти?

– Я не владею черным пламенем, – произнес ЛэЛэ. – Мое пламя – истинное, но если ваше…

– Стойте, стойте, у меня нет никакого пламени. У меня маркер пламени в крови, а это разные вещи.

– Честно говоря, нет, риам Этроу. Если в вашей крови есть маркер пламени, то миг, когда оно появится, а в вашем случае, возможно, и вырвется на свободу – вопрос времени.

Ну привет, прилетели!

– И об этом мне забыли сказать?

– Вероятно, риамер Вайдхэн предупреждал вас о том, что лучше временно сменить деятельность.

Риамер Вайдхэн! Риамер Вайдхэн может меня и предупреждал, но о том, что во мне пламя – нет! Или побоялся, что я подожгу свою спальню в новой квартире, если узнаю очередную новость? Да тьфу же! Нет там моей спальни, и квартира тоже – не моя! Не собираюсь я ее принимать в подарок! Или собираюсь?

Что-то все очень запуталось.

– Какова вероятность того, что это случится сегодня?

ЛэЛэ покачал головой.

– Я не медик. Я могу лишь вас предупредить. К тому же, то, что касается черного пламени…

– До конца не изучено и вообще непонятно, я знаю.

Я вздохнула. Бен действительно мне говорил, что мне лучше не ездить в Грин Лодж, но почему ничего не сказал про пламя? Почему вообще так поспешно ушел?

Торопился встречать Алеру, что ли?!

Р-р-р-р!

– Пламя может вырваться только при сильных эмоциях?

Начальник службы безопасности кивнул.

– Поэтому сегодня мы в любом случае перевозим вас в новую квартиру. Чтобы вы были поблизости и находились под постоянным наблюдением.

– Погодите… когда?! Мой ребенок будет уже спать, когда я вернусь…

– Сейчас. Пока вы работаете. Приказ риамера Вайдхэна.

Я прикрыла глаза. Ну вот как тут обходиться без сильных эмоций? И как объяснить этому совершенно непробиваемому иртхану, что это так не работает? Что нельзя просто собрать мои вещи, моего ребенка, его няню и запихнуть в новую квартиру, потому что он так решил. Нет, во всем этом есть логика, но должен же быть хоть какой-то диалог!

Ладно. Что толку сейчас об этом думать.

– Я рискну, – сказала я. – Справлюсь с эмоциями и сегодня буду танцевать. Насчет завтрашнего вечера переговорю с генеральным менеджером, а после с риамером Вайдхэном.

Не везли бы меня сейчас в ресторан, если бы я и правда могла рвануть. Зная Бена, если бы существовала такая угроза, сидела бы я сейчас в своей новой спальне или в гостиной, и смотрела то на панорамные виды, то на Алеру. Как он ей руки целует!

Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, прежде чем я относительно справилась с чувствами.

Нет, Аврора, так не пойдет. Соберись, ты же взрослая женщина! Соберись, танцуй, а вечером, после всего, конструктивно поговори с Вайдхэном о его самоуправстве. Кон-струк-тив-но! Можно будет даже список по дороге в новую квартиру составить: что говорить, а что лучше не стоит.

Ох.

ЛэЛэ меня не пытался переубедить, и я еще больше уверилась в том, что все будет хорошо. Вайдхэн хоть и политик, но он никогда не поставит под угрозу ни жизни присутствующих в ресторане, ни мою. Я была в этом не просто уверена, а уверена так, как будто думала о самой себе.

Вот только к чему вообще был этот разговор с ЛэЛэ?

Мотнув головой, уставилась на проносящийся под нами город, и тоже больше не сказала ни слова. Хотя в Грин Лодж мы, разумеется, вызвали ажиотаж. Сегодня никто не стал расчищать наш путь, как во время прошлого визита Вайдхэна, а ввиду того, что близились праздники, артистов, гримеров и костюмеров было как в настоящем театре. Вот они все и залипали на вышагивающую в сопровождении военных иртханов меня. Высунувшийся из мужской гримерной Пейт открыл рот.

– Аврора! – это было все, на что его хватило.

Я же слегка зависла, но уже по другой причине:

– Ты что тут делаешь? Ты же взял выходной!

– Я, может, и брал, но Рок умудрился растянуться на льду.

Я ахнула.

– Ничего серьезного, просто сильный ушиб, но танцевать он сегодня не сможет. Сама понимаешь… так что мы танцуем с тобой.

– Но мы же репетировали с ним!

– Ну не страшно. Я видел записи, понял, что от нас хотят, подхвачу. И потом, наше пламя и лед чуть не порвало зал. Так что прорвемся.

С этими словами Пейт еще раз зыркнул на вальцгардов и скрылся за дверью, а я покачала головой. День сегодня определенно странный. С другой стороны, каким еще может быть день, начавшийся с непонятного узора на руке?

– Аврора! Аврора! – Ко мне подлетела мой самый любимый гример, Малика. Судя по тому, что она не вытаращилась на вальцгардов, новость до нее уже донесли. – Там твою заняли для какой-то известной певицы, так что будем сегодня в общей.

– Для какой-то известной?

– Да я фиг помню… она сегодня поет в качестве заманушки пару песен, а завтра на корпоративе. Как же ее… а, вот! Сибрилла Ритхарсон! Все, пошли. У нее, кстати, тоже охрана там.

Вывалив на меня все эти новости скопом, Малика развернулась и помчалась по коридору, предлагая нам следовать за ней. Да, может появление Сибриллы Ритхарсон немного понизит градус напряжения? В смысле, сместит акценты. Потому что ферна Ритхарсон, известная фервернская певица – это очень круто. Это очень и очень круто, это гораздо круче, чем Аврора Этроу – секретарь риамера Вайдхэна с новой татушкой, которая танцует балет. Или нет?

– У Мельджера там, наверное, пар из ушей идет, – хихикнула Малика, открывая дверь и пропуская меня в общую гримерную, где переодевались девочки из танцевального ансамбля «Пуанты», которые уже собирались уходить. – Заполучить Сибриллу Ритхарсон в такое время… вообще не представляю, сколько они ей денег отвалили.

Все-таки да. Сибрилла Ритхарсон перетянула внимание на себя, и ура. Будем надеяться, что мне и дальше так повезет, и что уши нашего управляющего – это единственное, что будет сегодня дымиться в Грин Лодж.

В закрутившей меня суете я мигом настроилась на рабочий лад: и когда переодевалась, и когда мне делали макияж и прическу, и когда разминалась у станка. Танцевать мне сегодня предстояло в черном, и черное отлично сочеталось с алой помадой и красными искорками в узоре. А ещё само по себе смотрелось как пламя.

Черное пламя Раграна.

Я подумала о том, каким оно могло бы быть в моем исполнении… то есть, каким оно будет? Когда впервые сорвется с моих пальцев? Подумала – и тут же отбросила эту мысль. Ну ее! И его тоже ну. Не нужно мне никакого пламени, по крайней мере, сегодня.

– Аврора! На выход! – Пейт сунулся в гримерную, за что в него полетел пуант переодевающейся Хелены. – Уй!

Она едва успел спрятаться за дверь, и я выпорхнула к нему. И к вальцгардам.

Короткая перебежка по коридорам – и мы на сцене. Под пристальными взглядами всех гостей, которые пришли сегодня, в относительно свободный от корпоративов день. Относительно, потому что вот, например, слева три столика выкуплены небольшим риэлторским агентством, а вся зона справа – какой-то еще компанией, покрупнее. Я это помню, поскольку нам показывали всю запись перед праздниками, разве что Сибриллу Ритхарсон забыли упомянуть – ну тут все понятно, почему оно до последнего держалось в тайне.

Музыка, вливается в зал, подхватывая наши первые с Пейтом движения, и я в окне вскинутых рук вижу, как стекло ВИП-ложи по центру идет вниз.

Открывая мне и залу Вайдхэна. И Алеру.

[1] В Лархарре политическая система строится таким образом: управляет страной президент, которого выбирают исключительно иртханы.

ГЛАВА 4

Если бы я не открывала танец, не знаю, что было бы. Потому что внутри костром полыхнуло пламя – черное или ярости – это ж надо было додуматься притащить эту… Иртханессу! Сюда! И музыка была под стать моему состоянию, поэтому я рывком оттолкнулась от сцены и взлетела.

Справа мелькнул зал, утонувший в приглушенном на время выступления свете, а я считала безумные удары сердца. Один, другой, третий – разворот! Кружение мимо Пейта, уход от протянутых ко мне рук.

И не думать! Не думать о том, как они там мило сидят за столиком.

Глазея на меня!

И-и-иртхан!

Если бы я могла это сейчас озвучить, получилось бы самое изысканное, самое шикарнейшее оскорбление всех времен и народов, повторить которое не смог бы никто. Ладно, риамер Вайдхэн! Хотели представления с огоньком? Будет вам представление с огоньком!

Балет в Грин Лодж допускал отклонения от классического стиля, поэтому сейчас, когда руки Пейта легли мне на талию, и мы закружились вместе, я, вместо того чтобы отпрянуть, подалась вперед. Положила ладони ему на лицо, скользя по резким мужским скулам.

– Ты что делаешь, Аврора? – одними губами спросил он.

– Импровизирую. Доверься мне.

– Только это мне и остается.

Говорить в танце, а если быть точной, в сумасшедшем кружении, достаточно сложно, но сейчас короткое промедление выглядело как мгновение особенной близости. Именно мгновение: когда я положила ладони на его грудь и с силой толкнула в сторону, мы снова разлетелись в разные края сцены. И замерли – на миг.

В балете, как и в танце, как и в любом искусстве, каждый видит что-то свое. Нашу сцену тоже можно было интерпретировать по-разному: столкновение хищников, борьба света и тьмы, противостояние мужчины и женщины, или вообще никак. Просто наблюдать, следить, следовать за танцем, и за нами наблюдали. Я чувствовала, как текут по коже внимание и взгляды, в такт музыке, замирая – на осторожных шагах – когда сейчас я шла по самому краю сцены.

Пейт – напротив меня, ближе к кулисам.

Музыка замирала, и мы двигались осторожно. Это осторожно, эта предельная концентрация на звучании, слияние света, звука и нашего танца – пожалуй, единственное, что не давало мне полыхнуть.

Под его взглядом.

Его взгляд я чувствовала особенно остро, хотя больше в ту сторону не смотрела. Не хватало еще задымиться на самом деле!

Пейт приближался ко мне, все ускоряя темп.

Движение рук, прыжок – и я снова от него ускользаю.

Вдох. Выдох. Он снова рядом.

Протягивает мне руку, которую я обхожу, вскинув голову.

Меняется свет, с белого на красный, и на пачке расцветают алые всполохи, раскрывающиеся штрихами, мазками, сверкающие искрами, как узор на моей

руке. Шаг в сторону, неловкое промедление – и я снова в руках Пейта.

– Ты сегодня в ударе, Рор, – шепчет он, а потом добавляет: – Классно придумала с рисунком на руке. Здорово дополняет образ.

Этого тоже в сценарии и на репетициях не было, но мы почти соприкасаемся губами, и меня обжигает яростью. Такой, что наэлектризованным во мне кажется все, от кончиков пальцев до корней волос, и искры до сих пор не летят только каким-то чудом. Я снова отталкиваюсь от Пейта, кружась, вскидываю руки, взлетаю над сценой.

Не хочу туда смотреть, но взгляд сам собой врезается в ложу. Или, точнее будет сказать, в лицо Вайдхэна? Взгляд у него – как черная бездна, до краев затопленная его огнем, ноздри – как у собирающегося дохнуть огнем дракона.

Ну давай, дохни!

Только драконищу свою не спали. Вон ту, которая рядом сидит!

Не знаю, в ком из нас больше ярости, но она словно плавит мои сосуды – наверное, именно так и ощущается жидкое пламя в крови. Плавит – и в то же время дает такие силы, столько энергии, сколько я никогда раньше в себе не чувствовала. Музыка набирает обороты, и наш танец тоже, кружение становится полубезумным, яростным, сумасшедшим.

Рывок – слияние, рывок – отторжение.

Последние несколько взлетов над сценой, а после Пейт подхватывает меня, подхватывает и поднимает. Полет кажется головокружительным во всех смыслах, зал вращается перед глазами, россыпь света – красные, черные всполохи, в которых тонут лица застывших за столиками людей. В волнах пачки тоже полыхает красное и черное, эти цвета повсюду, и в охватившем меня балетном кружении я чувствую идущий сквозь меня жар.

Поэтому и врываюсь в последний прыжок, как в пропасть, когда музыка взлетает до самых пронзительных нот, а после – падаю в объятия Пейта. И, всей кожей впитывая темный взгляд, дотягивающийся, ударяющий в самое мое сердце,

грохочущее набатом, в последний миг подаюсь вперед.

Наши губы соприкасаются, одна ладонь Пейта застыла на моей талии, другая на щеке, мои лежат у него на плечах. Мы так замираем всего лишь на один миг, а зал уже взрывается аплодисментами. Грохочущими, набирающими силу, я даже слышу, что люди вскакивают со своих мест.

Мы кланяемся.

Широко улыбаемся и снова кланяемся, внутри полыхает, все сильнее разгорается что-то, с чем я еще не знакома. Как будто мой основной танец пока еще не закончился. Как будто он только начинается… Хотя зал кричит, я такого не слышала, наверное, никогда.

Не слышала. Не видела такого темного взгляда у Вайдхэна даже в те времена, когда наше общение не задавалось. Да вообще никогда. Мне кажется, он способен придавить к земле с тяжестью бетонной плиты, но я только улыбаюсь и расправляю плечи перед тем, как покинуть зал.

Шум не стихает даже после того, как мы скрываемся за кулисами.

– Ну ты даешь, – Пейт сияет. – Мы, кажется, выдали просто какое-то альтернативное искусство…

Осекается, заметив ЛэЛэ:

– Ну, я пошел.

– Риам Этроу!

Я ловлю напряженный взгляд вальцгарда, опускаю свой… Черный узор уже больше красный, сейчас он выглядит не как морозный, а как собирающаяся прорваться через толщу земных пород магма. Прорваться и огненными брызгами оплавить вокруг все и вся.

Да чтоб меня!

Нет, чтоб его!!! Вайдхэна, который мне все это устроил!

– Риам Этроу, срочно в машину!

Срочно?

– Мне надо переодеться, – говорю я, и понимаю, что переодеться не получится: пламя полыхает так, что мне становится дурно. Мой узор больше не напоминает узор, он напоминает что-то живое, живущее своей отдельной жизнью независимо от меня на моей руке.

Поэтому я позволяю ЛэЛэ накинуть на меня пиджак, скрывая это файер-шоу, и бегу вместе с сопровождением по коридорам, очень-очень быстро. Даже замерзнуть на парковке не успеваю, потому что у меня ощущение, что я сама – ходячий факел, и, оказавшись во флайсе, слегка очешуеваю, потому что там уже сидит этот Бездарн! Вайдхэн!

– Руку дай, – говорит он, хотя мог бы и не говорить – потому что едва его пальцы касаются моих, в меня ударяет током. Напряжение по ощущениям такое, что я давно бы была мертва, если бы не странный узор, защищающий меня от его силы. Или…

Что «или» я не успеваю додумать, Вайдхэн рывком притягивает меня к себе и впивается поцелуем в губы. Таким же яростным, как бушующая во мне сила, пропитавшая меня, как у хорошего кондитера бисквитные коржи крем. От чувств, ощущений, раскрывающего мои губы его жесткого рта я прямо-таки плавлюсь и нисколько не удивляюсь, когда по салону начинает клубиться дымок.

Вайдхэн отрывается от меня только чтобы коснуться коммуникатора сказать:

– Наверх. Быстро. Плевать мне на технику безопасности моего передвижения. Это приказ.

И флайс стремительно взлетает в воздух. Даже без набившихся внутрь вальцгардов.

– Что ты устроила на сцене? – рычит он.

– Что я устроила?! Это ты приволок свою риам Не-помню-как-вас-там-слишком-много-имен.

Он неожиданно улыбается, и уголки его глаз собирают лучики морщин.

– Ревнуешь, Аврора?

– Делать мне больше нечего! Я тут горю.

– Горишь, конечно. Потому что устроила непонятно что.

Я прищуриваюсь.

– То есть тебе можно, а мне нельзя?

– Мне можно, потому что я контролирую свое пламя.

– Ну вот и контролируй дальше! – Я пытаюсь вырваться, но он меня не отпускает.

– Куда? Сумасшедшая женщина!

Я не сумасшедшая женщина! Я женщина-факел. Супергероиня практически.

– Я пришел с Алерой исключительно потому, что ты не отказалась выступать, иначе бы мы пошли в другое место. Мне надо быть рядом с тобой и с твоей силой.

В другое место с Алерой, как мило!

– Мне все равно! – говорю я. – Прекрати это и верни меня к Лару!

– Нет, Аврора. Тебе не все равно. Мне не все равно. Я твоего танцора чуть за ноги над сценой не подвесил, когда ты к нему липла.

От такой откровенности мне только и остается, что моргать, а он снова подается ко мне, накрывает губы своими. И жар, взметнувшись внутри меня, уходит в

него. Возвращается ко мне. Снова течет к нему. Это было бы похоже на игру в мячик, если бы не было так похоже на что-то другое, потому что каждая такая волна, прокатываясь сквозь меня, воспламеняет каждую клеточку моего тела.

Отзывается в самом низу живота.

Сжигает весь стыд, все «нельзя», все, что стоит между нами.

– Хва-а-а-тит, – выдыхаю я, пытаясь зацепиться за остатки ускользающего разума. Но разум, кажется, уже ускользнул, потому что остаемся только мы: только я и он, и наше совершенно иррациональное драконическое притяжение. И пламя. Из-за которого меня обжигает холодом, когда дверца флайса идет ввысь уже на парковке, а после опаляет черными языками, искрящими алым. Лижущими мою руку, хотя по ощущениям – сердце и меня всю.

– Жарко, – хрипло шепчу потрескавшимися, как от температуры, губами.

– Знаю, Аврора. Все будет хорошо. Потерпи.

М-м-м-м…

– А долго? Терпеть? – интересуюсь я, облизнув губы.

И вскрикиваю, потому что под горящей кожей покрывало кажется просто ледяным. А его руки, скользящие по моему телу – невыносимо, болезненно-чувствительно раскаленными.

– Э-э-эй… – пытаюсь перехватить его ладони, потому что он бессовестно меня раздевает. Хотя еще никогда ни один мужчина не снимал с меня балетную пачку. Сказать ему, что ли, об этом? Губы сами собой растягиваются в улыбке.

– Ты будешь первым, – говорю я.

Его лицо надо видеть! Он даже на миг задерживает руки на моих бедрах, а я не выдерживаю и хихикаю. Странно, что у меня из ноздрей дым не идет от жара, но даже это кажется мне смешным.

– Первым, кто с меня снимает балетную пачку, – поясняю я, и Вайдхэн приходит в себя. Надо бы его было сфотографировать, какой контент! Нет, я никому бы не показала, но сама бы любовалась долгими вечерами. Хотя любоваться можно и сейчас, я тянусь ладонью к его напряженному лицу и касаюсь кончиками пальцев скулы. Повторяю широкие надбровные дуги.

Он снова на миг замирает, а потом…

– Аврора, приподнимись, – сердито говорит он. – Помоги мне тебя раздеть.

– Мужчина, вы знаете, как это звучит?

– Я знаю, что ты сейчас сгоришь! – У него кончается терпение и наряд, который является собственностью Грин Лодж, с треском прощается с жизнью. Вот она, сила иртхана в действии! Такое разорвать еще надо уметь, а вот сам он раздевается быстро, практически как сотрудник службы чрезвычайного реагирования. В следующий миг меня подтягивают к себе так плотно, что я перестаю ощущать свое тело, и его, мы как будто сплавляемся.

И это не фигура речи!

Сквозь мою спину в его грудь рвется пламя, сквозь него оно рвется в меня, но прохладнее не становится, наоборот – становится все горячее, горячее и горячее. Хотя чему я, в общем-то, удивляюсь? У меня тут сзади иртханопечь с иртханополенцем… ой, тьфу, Аврора! Какая ты пошлая.

Руки на моей груди – он обхватывает меня всем телом – напрягаются, а после Вайдхэн резко разворачивает меня к себе. Вглядывается в мое лицо, изумленно и резко произносит:

– Не помогает. – Как будто видит то, чего не вижу я.

А я уже почти ничего не вижу, перед глазами только черное пламя и алые всполохи, и где-то в них возникает его лицо.

– Что – не помогает? – интересуюсь я. – Скорая голая помощь?

– Аврора! – Он резко подтягивает меня к себе, а потом снова впивается губами в губы. Вот так и становится легче, только так и становится, когда он вдыхает бушующее во мне пламя, когда скользит губами по горящему рту. И когда его ладонь ложится мне между лопаток, я вжимаюсь в него сильнее.

Мир стягивается в одну черную точку, потом раскрывается. Плавящейся радужкой его темных глаз. Такое единство кажется мне правильным, вот именно такое и только такое – когда объединяющая нас огненная река берет истоки в нем и впадает в меня. Поэтому я и вцепляюсь пальцами в его плечи, когда приподнимаюсь, а после опускаюсь на него. Отражаясь в этих раскрывшихся до предела зрачках, как в зеркале.

Мне еще никогда не было так хорошо, как сейчас!

В эту минуту, когда я становлюсь единым целым с ним, а пламя беснуется в нас, но больше не обжигает.

– Поцелуй меня, – хрипло говорит он, и я подчиняюсь.

А потом подаюсь вверх, и – осторожно вниз. Так, на мгновение, я еще успеваю уловить краткие ощущения нашего совместного помешательства, и меня захлестывает мощью силы.

Пламя.

Близость.

Сбивающееся дыхание.

Его руки на моих бедрах.

Мы отрываемся друг от друга, только чтобы сделать вдох, а черный костер, в котором от нас не должно было остаться даже пепла, сейчас согревает, ласкает, языки стелются по коже, добавляя диких чувственных ощущений.

Как такое возможно?

Мне все равно.

Особенно когда он произносит мое имя:

– Аврор-р-р-ра, – и оно низкой вибрацией отдается в груди и в самом низу живота.

Мир переворачивается, а вместе с ним переворачивается и пламя, взметнувшееся вверх и подхватившее меня, как и он – ладонями под ягодицы. Вайдхэн склоняется надо мной, так невыносимо близко, и произносит странным, невыносимо-низким и хриплым голосом:

– Назови меня по имени, Аврора.

– Бен? – уточняю я сквозь рвущийся из груди стон. Получается не менее низко и не менее откровенно, и я даже не знаю, что больше сводит с ума – его взгляд, от которого по телу прокатывается сладкая волна от макушки до пяток, или прикосновение его пальцев к губам, когда он проводит по ним, словно собирая звуки своего имени на память.

Так сладко, что сдерживаться не получается.

Я и не сдерживаюсь: цапаю его за палец, а точнее, обхватываю губами, слегка прикусываю – и в нашем безумном ритме меня в ту же секунду пронзает таким невыносимым удовольствием, что реальность раскалывается пылающим черным стеклом. Когда она вновь собирается – потихоньку, понемногу – из сладких спазмов, вздымающейся под моими пальцами широкой груди, искрящихся кусочков неоновых вывесок между полосками жалюзи, жара больше нет.

Есть только звенящий остывающий вокруг нас воздух. И биение наших сердец.

ГЛАВА 5

После того жара, в костре которого я сгорала, сейчас было бы даже холодно. Если бы меня так плотно не прижали к себе, окутывая и оплетая собой, что замерзнуть мне не грозило при всем желании. Только вот…

– Что-то сгорело? – спросила я.

– Ничего критичного, – хмыкнул Вайдхэн. – И никого. А могло бы. Точнее, могла бы. Чем ты думала, Аврора?

В его глазах читалось «уж точно не головой», и я окончательно пришла в себя.

– Это то, что каждая женщина мечтает услышать после того, как…

– На каждую мне плевать. А на тебя нет, – он нахмурился. – Тебе сообщили, что в твоем нестабильном состоянии на сцену лучше не выходить?

– Сообщили, – огрызнулась я. – Только почему-то не ты.

– Я пытался тебе сказать утром. Но понял, что кого угодно другого ты послушаешь быстрее, чем меня. С Лэннэ у вас получился гораздо более конструктивный диалог, чем со мной. К сожалению, не настолько конструктивный, чтобы ты всерьез задумалась о последствиях.

Я попыталась вывернуться из его рук, но Вайдхэн меня удержал.

– Как я могу думать о последствиях, если ничего о них не знаю?

– А ты хочешь? Знать?

Он смотрел на меня в упор, а я вспоминала, как совсем недавно гладила его лицо. По-хорошему, вспоминать надо было совсем не это, а еще стоило бы задаться вопросом – какого набла ты вообще творишь, Аврора? Но у меня в голове была одна-единственная мысль, и, если уж говорить откровенно, даже не в голове, где-то в самой глубине моего существа: о том, что эта близость – самое правильное, самое удивительное и самое естественное, что случилось со мной за последнее время.

– Разумеется, я хочу.

– В таком случае тебе придется меня слушать, – теперь уже он провел пальцами по моей щеке.

Я опять завозилась: все-таки паленым воняло настолько, что все разговоры слегка растворялись в аромате… сожженного покрывала? Я поморгала на паленый матрац, подняла голову:

– У тебя нет пожарной сигнализации?

– Есть. Я попросил ее отключить, когда нес тебя сюда. Нет ничего такого, что я не смог бы потушить, хотя… – он улыбнулся. – Ты меня здорово напугала. Когда твое пламя отказалось униматься из-за простого физического контакта.

«Твое пламя».

Вот теперь я в полной мере ощутила, каково это, когда пламя на щеках.

– Ты все еще стесняешься меня, Аврора?

– Я стесняюсь себя.

Стоило вспомнить, что я тут вытворяла, как я к нему прижималась, как сама опустилась на него, и щекам стало еще горячее.

– Почему?

– Потому что я знаю тебя три дня. – Странное чувство, что я знаю его всю жизнь – не в счет. – Потому что ты ходишь по ресторанам с другими женщинами…

Вайдхэн улыбнулся еще шире.

– Все-таки ревнуешь.

– Нет! Просто я не привыкла строить отношения с мужчинами, у которых бесчисленное множество женщин.

– Вот какого ты обо мне мнения, значит?

Он поднялся так неожиданно, что матрас слегка спружинил, а в следующий момент подхватил на руки меня.

– Пойдем лучше в душ. Здесь и правда стоит прибраться.

Просторная ванная, где разместилась огромная душевая кабина, была выполнена в черно-огненных тонах, напоминая о его пламени. Смотрелось достаточно агрессивно и тяжело, но ему шло. И черное, и огненное, и темно-красное. Наверное, для того, кто родился в огне – дважды – такие цвета самое то. Потерявшись в своих мыслях, я опомнилась, только когда Вайдхэн поставил меня на ноги. После чего беззастенчиво шагнул следом и заблокировал дверцы, мгновенно ставшие матовыми.

– Ты какую воду любишь?

– Теплую. Чуть теплее, чем температура тела.

– Так я и думал, – он улыбнулся. Он сегодня вечером подозрительно часто улыбался, и его лицо, временами суровое, сразу преображалось. Не знай я его, сейчас даже представить бы не смогла, что этот мужчина умеет быть жестким, если не сказать жестоким. Впрочем, это было единственное, что я успела подумать – до того, как на нас хлынула вода, лаская кожу. Лучше бы только она: когда на плечи легли ладони, скользкие от геля для душа, меня опять повело. Еще бы эти ладони там и лежали, но нет. Они спустились на спину, к лопаткам, пальцы нежно и в то же время сильно прошлись вдоль позвоночника.

– Ни за что бы не подумала, что тебе нравятся сладкие ароматы, – сказала я, чтобы переключиться.

– Это для тебя. Я предпочитаю более резкие запахи.

На миг я утратила дар речи, а он бессовестно этим воспользовался: во-первых, плотнее прижал меня к себе, на этот раз скользнув ладонями по ягодицам, а во-вторых, продолжил:

– Я не просто так говорил, что тебе не стоит выступать, Аврора. Любая сильная эмоция действительно способна спровоцировать пламя, а в твоем случае еще и экстремально быстро проявить его вовне. Поэтому я пришел в Грин Лодж с Алерой.

– С Алерой.

– Не одной тебе не хочется проговаривать длинные имена, но, если ты настаиваешь, риам Грейторн-Лардарр инд Хамир. Это дипломатический ужин, который должен был состояться с ней, с ее отцом и его вице-президентом, но что-то пошло не так. У ее отца и вице-президента.

– Очень удобно.

– Очень. Когда я узнал, что ты все-таки решила танцевать, то в восторг не пришел. По большому счету, в восторг не пришел никто. Особенно руководство Грин-Лодж, которому в экстренном порядке пришлось отказать особому ВИП-клиенту. ВИП-клиент, подозреваю, тоже в восторге не был, но об этом история умалчивает. Моя пресс-секретарь сказала, что такой стресс как сегодня, она испытывала впервые. Хотя работает со мной давно.

– При чем тут пресс-секретарь?

– При том, что личного секретаря я уже отпустил, а Ланира осталась. Именно ей пришлось решать вопрос с Грин-Лодж и проявлять чудеса дипломатической изобретательности. Именно с ней ты видела меня тогда в ресторане, когда Лар назвал меня Бездарн Гадхэн.

А Ния говорила, что тогда в ресторане с ним была пресс-секретарь. Говорила же! Догадалась. Или знала? Похоже, Ния все-таки знала гораздо больше, чем я могу себе представить.

Правда, при мыслях о Бездарне Гадхэне у меня опять запылали щеки. Хорошо хоть, что свет здесь такой приглушенный, и повсюду красно-черное, можно списать на отблески. Или нельзя? Как-то очень пристально он на меня смотрит. Очень-очень. Даже бровь приподнял.

– Это не я придумала, – быстро сказала я.

Прозвучало как оправдание, и я бы прикусила себе язык, если бы он мне не требовался для дальнейшей коммуникации.

– А кто? – Вот теперь Вайдхэн по-настоящему заинтересовался.

Да, язык точно стоило прикусить.

– Никто. Неважно. Давай закроем эту тему. Я не могу с тобой говорить об этом, потому что ты – власть. А это неуважение к власти.

Пару мгновений он изумленно смотрел на меня, а потом запрокинул голову и расхохотался. Так заразительно, что меня ну очень тянуло к нему присоединиться, вот только я пока не представляла, как развернется тема с Бездарном Гадхэном, поэтому предпочла придержать драконов. То есть смех.

– Ты невероятная, Аврора, – произнес он, скользкими от геля ладонями поглаживая мои ягодицы. Это было сказано так глубоко и проникновенно, что у меня разом вылетели из головы все мысли, а вот чувственные ощущения – особенно там, где это скольжение рождало на коже миниатюрные костерки – зашкаливали за сотню по десятибалльной шкале. – Для тебя я кто угодно, только не власть, милая. Это первое. А второе… я и в самом деле предполагал, что это придумала ты.

– Неужели?

– Именно, – пальцы прошлись между полушарий. Без нажима. Мягко и совершенно не так, как тогда, в кабинете. – Именно в тот самый момент.

Удивительно, что он тоже о нем вспомнил. Или неудивительно?

– Нет, я просто использовала незапатентованную характеристику.

– Рано или поздно ты мне о ней расскажешь. О том, кто ее придумал, – это прозвучало как обещание, от которого все внутри вспыхнуло. Даже водичка холоднее стала, и, я подозреваю, вовсе не потому что Вайдхэн забыл оплатить счет за горячую воду. – И обо всем остальном.

– О том, что ты еще не знаешь. – Я приподняла брови в точности, как он, а потом, положив руки ему на плечи, встала на носочки. – Ты хоть что-то еще обо мне не знаешь?

– Такое не исключено. Но я это обязательно выясню. – Он почти касался губами моих губ, и это было настолько сильно… в смысле, не то, что между нами случилось, хотя и это тоже, сколько именно мои чувства – я не просто тянулась к нему всем своим существом, мне кажется, я уже приняла его, впустила его в себя и, увы, здесь пошлость не поможет – совершенно на другом уровне, не на физическом. Это хлестнуло, как порыв ледяного ветра, я положила руки ему на грудь и попыталась отстраниться.

– Почему ты тогда меня…

– Потому что захотел тебя с первой минуты, как увидел. Потому что решил, что ты пришла меня соблазнять.

– Я – что?!

У меня глаза, по ощущениям, стали как у дракона. Таких же размеров. Ну ладно, предположим, что глаза как у дракона мне не грозят, потому что мне бы разорвало лицо, но собственные органы зрения сейчас представлялись очень и очень большими. Круглыми. Выразительными.

– От тебя фонило желанием, Аврора, – на удивление серьезно произнес он. – Настолько, что я просто не мог предположить ничего другого. Тогда мне и в голову не приходило, что наша связь… хм… что это выбор моего дракона, и твой на него ответ.

Выбор дракона, значит. А что насчет твоего?

Я чуть не брякнула это вслух, но на этот раз с языком мы подружились. В смысле, я не стала задавать неудобных вопросов, которые совершенно точно не имеют никакого отношения к тому, что сейчас было. Это как на первом свидании спросить: «Хэй, парень, ты на мне женишься?»

– И уж тем более я представить не мог, – продолжал он, – что все получится именно так. Бесконтактная передача пламени… мы с тобой в своем роде уникальны, Аврора. Такого мир еще не знал. И не узнает, пока я не выясню все в подробностях.

Он снова расслабился и поглаживал мою спину, вот совершенно не с целью помочь мне принять душ. Я же, наоборот, напряглась.

– То есть такого никогда не было? Вообще?

– Ни разу. Любая передача пламени между человеком и драконом шла через кровь. Не говоря уже о том, что передача пламени человеку от иртхана считается в принципе невозможной. Больше того, передача не просто от иртхана человеку, передача в спящем состоянии. Когда сила неактивна.

– Ты о чем?

– Судя по всем анализам, Аврора, с маркером черного пламени ты ходишь как минимум со дня нашей первой встречи.

– А?

– Да, у тебя анализы уже развитого черного пламени. Да и случившееся сегодня… ты как иртханесса-подросток – по возрасту пламени в крови. Если я правильно понял, у тебя могут быть перепады настроения и все прочее, сопутствующее.

О-о-о!

– Я бы мог предположить, что маркер в твоей крови был спящим, – он снова на миг нахмурился, а после тряхнул головой, словно сбрасывая какое-то наваждение, – если бы маркер в твоей крови не был моим. По всему получается,

что на кухне мы его активировали, а сегодня у тебя произошло полноценное пробуждение пламени. Что, кстати сказать, тоже парадокс. Обычно сначала пламя просыпается внутри и только потом проявляется в физической форме.

Я сейчас взорвусь. Не от пламени, нет, от количества новой поступающей в меня в единицу времени информации.

– Можно поподробнее? – спросила я. – Для тех, кто не знает с детства все эти тонкости иртхано-драконьих премудростей.

– Объясняю на пальцах, – он наконец-то убрал руки с моих ягодиц и загнул первый палец. – Иртханы и иртханессы рождаются с пламенем. В зависимости от уровня силы развиваются и их способности. Сначала ментальные – те, с помощью которого мы отдаем приказы и управляем драконами, затем – проявление пламени, когда уже физически можно что-нибудь поджечь. Процесс активации и развития внутреннего пламени очень важен. Обычно он проходит без эксцессов, если правильно подготовиться, но случается такое, что по какой-то причине развитие делает резкий скачок. Таких случаев единицы за тысячелетия, тем не менее они были. В этот момент очень важно, чтобы рядом был тот, кто может погасить пламя. Обычно достаточно простого физического контакта, в зависимости от уровня силы, иногда даже просто прикосновения ладоней или объятий в одежде. Но с тобой оказалось недостаточно, потому что у тебя был спонтанный выброс невероятной силы. И да, такого мир тоже раньше не знал.

Вот стою я тут, вся такая уникальная, он загибает пальцы и объясняет мне все. А я… я единственное, о чем по-настоящему могу думать – что я для него значу? После такой близости, наверное, по-другому нельзя, но… Но.

«Хэй, парень, ты на мне женишься?»

– Аврора? – Бен смотрит мне в глаза. – О чем задумалась?

Я не стану это спрашивать. Не стану. Не стану.

– Да так. Ни о чем. Думаю, какие еще сюрпризы ожидать в ближайшее время.

– В ближайшее, я предполагаю, никаких. Самое интересное уже случилось, – он улыбается, а потом добавляет: – Я говорю о проявлении пламени, если что.

– Ах, вот оно как.

– Именно так. Все остальное будет попроще. Я надеюсь.

Меня так и подмывает сказать «давай надеяться вместе», вместо этого я просто киваю.

– Хорошо.

– Ты подозрительно со всем соглашаешься, – прищуривается Вайдхэн. – Завтра тебе лучше не появляться в Грин Лодж.

– Хорошо.

Он приподнимает брови, а я пожимаю плечами:

– Я очень люблю балет, Бен, но не настолько, чтобы вредить другим людям. – Вайдхэн меняется в лице, и я добавляю: – Просто напомни мне сейчас перезвонить генеральному и сказать, что я больше не выйду. Незаменимых балерин нет. Особенно в ресторане.

Почему-то именно эта мысль дается мне больнее всего, еще больнее даются эти слова. Я будто окончательно отказываюсь от того, от чего уже однажды отказалась. Правда, тогда у меня были совершенно другие обстоятельства и совершенно не было выбора, но и сейчас, по сути, его тоже нет. Я не представляю, как работает это самое пламя, мне нужен учитель или тот, кто хотя бы с азами контроля поможет. Постоянное сопровождение. Обследования – наверняка. После того, что он сказал, обследования мне нужны точно, банально даже для того, чтобы я не навредила собственному сыну.

– Ты очень хотела танцевать? – спрашивает он, глядя на меня в упор.

– Это было давно, – я показываю на душ. – Мы все еще моемся, или проводим сеанс психологической помощи?

Вайдхэн хмыкает:

– Что я тебе говорил про неуважение, Аврора? – Он выделяет это слово так, что я просто мгновенно переключаюсь. Но ответить не успеваю: – К слову, о неуважении. В ресторане Бездарном Гадхэном меня назвал Лар, но ты это допустила. Поэтому ты, как мать, и будешь нести ответственность.

– Чт…

«Что» у меня не получается полноценным: меня так резко разворачивают лицом к стене душевой кабины, что воздух вылетает из меня как пробка из бутылки с веоланским, а следом за ним вырывается грудной низкий стон, потому что его ладонь между моих бедер творит совершенно невыносимо-приятные вещи. И ладно бы только ладонь, он умудряется скользнуть языком по моим позвонкам, зубами прихватывая кожу у основания шеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marina-eldenbert/chernoe-plamya-ragrana-kniga-2

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити